

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА

УДК [94+323+327](73)(082)
ББК 63.3(7Coe)я43
С56

Редакционная коллегия:

А. А. Коваленя (*главный редактор*), И. Р. Чикалова (*ответственный редактор*),
А. П. Косов (*ответственный редактор*), А. А. Володькин, В. В. Данилович, А. Н. Дулов,
В. А. Космач, А. А. Розанов, А. В. Русакович, М. Э. Чесновский, Г. Н. Яковлева

Рецензенты:

директор НИИ Глобальных социально-политических процессов
Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского,
доктор политических наук, профессор С. В. Старкин;
заведующий центром всеобщей истории и международных отношений
Института истории НАН Беларуси, доктор исторических наук, профессор В. В. Тугай

Издание подготовлено в рамках выполнения Государственной программы научных исследований на 2016–2020 гг. «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» (научный руководитель – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор исторических наук, профессор А. А. Коваленя) подпрограммы № 1 «История и культура» (научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент В. В. Данилович).

Соединенные Штаты Америки: история, политика, культура :
С56 сб. науч. ст. / Национальная академия наук Беларуси [и др.] ; редкол.:
А. А. Коваленя (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Беларуская навука, 2018. – 277 с.
ISBN 978-985-08-2262-8.

Сборник научных статей посвящен актуальным вопросам истории внутривнутриполитической жизни и внешней политики Соединенных Штатов Америки на разных этапах их существования, актуализирует проблемы историографии американской истории. Помещенные в сборник статьи написаны на основе впервые введенных в научный оборот источников или же предлагают их новое оригинальное прочтение.

Материалы сборника будут полезны исследователям-американистам, преподавателям, студентам и аспирантам, а также всем, кто интересуется актуальными проблемами исторического прошлого и современной жизни США.

УДК [94+323+327](73)(082)
ББК 63.3(7Coe)я43

ISBN 978-985-08-2262-8

© ГНУ «Институт истории Национальной академии наук Беларуси», 2018
© УО «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова», 2018
© Оформление. РУП «Издательский дом «Беларуская навука», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3

Раздел I ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИИ И ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ В США

Чикалова И. Р. У истоков российской американистики: Павел Григорьевич Мижуев (1861–1931)	7
Филимонова М. А. Географические образы США в американской культуре конца XVIII в.	33
Казакова О. Ю. Национальный музей афроамериканской истории и культуры: от идеи к реализации	42
Кузнецов Ю. В. Национальные стандарты по истории для школ в фокусе общественно-политической дискуссии в США (1990-е гг.)	49
Безлепкин Я. П. Эволюция взглядов в американской историографии на проблему атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки	57
Авласенко И. М. Историография политики США в отношении региональных конфликтов	69
Стариченко В. В. Политика США в отношении Ирака 1991–2004 гг. в работах Ноама Хомского.	78
Косов А. П. Российская историография африканской политики США после окончания «холодной войны»	86
Усовская Э. А. Американская культурная антропология рубежа XX–XXI вв.	93

Раздел II КОНФЛИКТЫ И КОНСЕНСУСЫ ВО ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ США

Прилуцкий В. В. Политические платформы американских вигов и демократов в 1830–1850-е гг.	101
Алентьева Т. В. Борьба за общественное мнение в «антибанковской войне» Джексона. .	109
Володькин А. А. Вопрос иммиграции выходцев из Беларуси на Гавайские острова на рубеже XIX–XX веков	118
Космач П. Г. Подъем социального евангелизма в США (1900–1914 гг.)	129
Варивончик И. В. Вторая поправка к Конституции США и Национальная стрелковая ассоциация: история и современность	136
Кушнер Н. В. Суфражистское движение в США: эволюция организационного развития	145
Чикалова И. Р. Властные структуры, аффирмативные действия и складывание женской политической элиты в США (1960–1990-е гг.)	154

Раздел III
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА США: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ
И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

<i>Дорофеев Д. В.</i> Провозглашение независимости США и внешняя политика: аргументы pro et contra, весна – лето 1776 г.	168
<i>Шенин С. Ю.</i> Американская программа «пункта-4»: генезис, эволюция, наследие	176
<i>Розанов А. А.</i> США и проблема ПРО: исторический ракурс.	183
<i>Копейка В. В.</i> Внешнеполитические стратегии США в глобальном мире: тенденции и перспективы	192
<i>Седляр Ю. А.</i> Экономические санкции во внешней политике США	199
<i>Пик С. М.</i> Личностный фактор в процессе принятия внешнеполитических решений в США.	209
<i>Рыжков Н. Н.</i> Политико-системное и концептуальное обеспечение экологической безопасности США	216
<i>Макаренко Е. А.</i> Стратегия глобального доминирования США в XXI веке.	225
<i>Бычкова О. М.</i> Трансатлантический вектор внешней политики США (2001–2016 гг.).	234
<i>Пронь С. В.</i> США и Китай как главные акторы современной архитектуры международных отношений (модель взаимозависимости и взаимодополняемости в борьбе за мировое лидерство)	244
<i>Городня Н. Д.</i> Политика США в Юго-Восточной Азии: преимущество и новые приоритеты.	251
<i>Погорская И. И.</i> «Арабский мир» в современной политике США: особенности и вызовы	263
Сведения об авторах	273

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИИ И ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ В США

УДК 94(7)+303.422+012

И. Р. Чикалова

*Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка, Минск, Беларусь;
Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь*

У ИСТОКОВ РОССИЙСКОЙ АМЕРИКАНИСТИКИ: ПАВЕЛ ГРИГОРЬЕВИЧ МИЖУЕВ (1861–1931)

Статья посвящена рассмотрению вклада Павла Григорьевича Мижучева (1861–1931) в развитие американских исследований в дореволюционной России и в первые годы советской власти. Показана его роль в качестве одного из основоположников изучения Соединенных Штатов Америки в России, написавшего первую политическую историю США, в которой история страны прослежена от момента знакомства англичан с Америкой и вплоть до начала XX века. Рассмотрен его вклад в исследование отношений североамериканских колоний с Англией, Войны за независимость и создание США, проблем падения рабства в Америке, достижений страны в области народного образования, в сфере решения рабочего и женского вопроса и других актуальных проблем истории и современной ему американской действительности.

Ключевые слова: Мижучев Павел Григорьевич, Российская империя, американистика, история США, историография американской истории.

I. R. Chikalova

*Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus;
Center of world history and international relations of the Institute of History,
National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus*

AT THE ORIGIN OF AMERICAN STUDIES IN RUSSIA: PAVEL GRIGORIEVICH MIZHUEV (1861–1931)

The article comprehensively demonstrates outstanding place of Pavel Grigorievich Mizhuchev (1861–1931) in the field of American Studies in the pre-revolutionary Russia. It is shown his role as one of the founders of the study of the United States in Russia, who had written the first political history of the United States, where the country's history is traced from the moment of acquaintance of the Englishmen with America until the early twentieth century. Considered his contribution to the study of the relations of the North American colonies with England, the War of Independence and the founding of the United States, the problems of the fall the of slavery in America, the country's achievements in the field of public education, in the field of solving labor and women's issues, and other topical issues of history and of contemporary American reality.

Keywords: Mizhuchev Pavel Grigorievich, the Russian Empire, American Studies, the history of the USA, historiography of the American history.

Павла Григорьевича Мижуева (1861–1931) по праву можно считать одним из основоположников российской американистики. К настоящему времени должное признание получил вклад Мижуева в развитие российского англоведения, который количественно выражается в издании порядка 80 работ¹. В то же время его труды по американистике до сих пор не оценены по достоинству и комплексно, хотя в этой области ему принадлежит более 50 книг, брошюр, статей и очерков. Начав с публикаций, посвященных колонизации англичанами Северной Америки [14; 20; 21], Войне за независимость колоний против метрополии [14; 15; 20], развитию и падению рабства в Америке [25] и другим актуальным проблемам истории и современной действительности США [5–13; 17–19; 22–24; 26–38], он создал первую в России политическую историю Соединенных Штатов Америки [39], в которой история страны прослежена от момента знакомства англичан с Америкой и вплоть до начала XX века.

Фактически все профессионально выполненные объемные публикации по социально-политической истории США появились в дореволюционной России уже после выхода основных книг Мижуева. Область «американских исследований» до революции 1917 г. была молодой и представлена небольшим числом имен профессиональных исследователей. По интенсивности появления публикаций, посвященных американской проблематике, с ним могли сравниться только постоянно жившие в США П. А. Тверской (Дементьев)² и В. Н. Мак-Гахан (урожд. Елагина), сотрудничавшие как журналисты с российскими периодическими изданиями. Но в отличие от них (да и от других авторов работ по США) Мижуев никогда не посещал Америку. Тем не менее он основывал свои труды только на официальных документальных материалах и оригинальных американских исследованиях, о чем сам обычно сообщал. Ссылки с указанием на источник и мотивы написания труда сопровождают практически каждую его публикацию.

Мижуев не готовился к научной деятельности. Поступил в Морской кадетский корпус. И хотя учился очень хорошо, и в числе немногих выпускников был награжден премией, как пишет он сам в автобиографии, «уже со второго года своего пребывания в нем понял, что карьера морского офицера меня не удовлетворит...». В то же время к этому периоду учебы относилось «зарождение многих моих интересов, которые я сохранил на всю последующую жизнь» [1, л. 4]. После окончания Морского кадетского корпуса, выдержав экзамен на право преподавания, с 1885 г. на протяжении 17 лет Мижуев был учителем французского языка в Петербургской 6-й гимназии [5, с. 151]. Одновременно преподавал в 9-й городской гимназии.

¹ См. статьи, посвященные П. Г. Мижуеву как англоведу [84–86].

² См. статью: Чикалова, И. Р. П. А. Тверской: очерки американской жизни в российских общественно-политических журналах / И. Р. Чикалова // Американистика: Актуальные подходы и современные исследования / под ред. Т. В. Алентьевой, М. А. Филимоновой. Вып. 8. – Курск: Курск. гос. ун-т, 2016. – С. 350–371.

С 1902 г. постоянным местом работы Мижужева стал Императорский технологический институт, библиотеку которого он возглавлял вплоть до 1924 г. Ее деятельность он поставил на европейский уровень. Фонды библиотеки комплектовались изданиями не только по профильным для института дисциплинам, но и по общественно-политическим наукам. В 1918 г. библиотечный фонд насчитывал 14184 книг, из которых 8604 было на иностранных языках, и 913 заглавий журналов, из которых 481 было иностранным. В 1924 г. количество книг в Фундаментальной библиотеке достигло 200 000 экземпляров, а в студенческой – 14 000. Всего в библиотеке работали 13 сотрудников [6]. Для Мижужева постоянно пополнявшийся по его заказам библиотечный массив гуманитарной литературы, в том числе зарубежной, стал важнейшим источником собственных исследований. Прекрасное владение английским и французским языками в сочетании со служебным положением давали возможность Мижухеву свободно и неограниченно пользоваться этим книжным богатством.

Переход на работу в библиотеку Технологического института стал для Мижужева решительным – на всю жизнь – поворотом к научному творчеству. Как он пишет в автобиографии, «в течение многих лет я занимался одновременно и последовательно французским языком и литературой с точки зрения применения результата таких занятий к преподаванию в средней школе, вопросами школьной организации и педагогическими, всеобщей истории и в особенности историей Америки и Англии; политической экономией, вопросами государственного права, так называемым социальным вопросом и всеми сторонами жизни англосаксонских стран. <...> Более всего на меня оказали влияние английские писатели и ученые: Джон Стюарт Милль, Адам Смит, Герберт Спенсер, Дарвин, Ляйель, Гексли. Огромное, неизгладимое впечатление произвело на меня сочинение Дж. Брайса «Американская республика» и почти такой же труд Alf. Marshall «Principles of Economics», труды супругов Уэббов, с которыми я познакомился раньше, чем кто-либо из русских. Из американских писателей весьма сильное впечатление произвели на меня сочинения Хиггинсона и историков Тайлера и Бушнеля Харта, самые имена которых совершенно неизвестны в России. Особенно большое влияние на меня имели английская и американская периодическая пресса (еженедельная и ежемесячная), за которой я слежу систематически около 20 лет» [1, л. 9–10].

Свои труды по американистике Мижухев опубликовал в период между 1891 и 1929 гг. Соединенные Штаты Америки он считал наиболее интересной страной современного ему мира, занимающей «выдающееся положение во многих и весьма важных отношениях». В фокусе внимания его работ находился широкий круг вопросов, связанных с США: колониальный период и проблема взаимоотношений с Англией, государственный строй, проблема разделения властей, торговая политика, благотворительность, права человека, рабочий и женский вопрос. Одной из доминирующих тем в его творчестве стала история народного образования – от начального до университетского. При этом по каждой из названных проблем Мижухев не ограничивался одной статьей

или даже книгой. Исследуемые темы он во многих случаях раскрывал в нескольких публикациях, о которых конкретно речь пойдет в дальнейшем.

Английская колонизация Северной Америки и американская революция в освещении Мижужева. Вопросы колонизации Северной Америки, состояния английских колоний, наконец, образования США и развития отношений между ними и Великобританией последовательно исследованы в работах Мижужева, которые перечислю в порядке их появления на свет: книги «Великий раскол англосаксонской расы. Американская революция» [15], впервые опубликованной под названием «Литературные факторы американской революции» в журнале «Русское богатство» [14], «История колониальной империи и колониальной политики Англии» [20], статьи «Зарождение великой республики (Колонизация Америки англичанами)» [21] и «Англия и Соединенные Штаты: взгляд на историю их взаимоотношений от Войны за независимость до наших дней» [49]. Английские колонии в Северной Америке избрали революционный путь образования самостоятельного государства, и Мижуев тщательно разбирает причины, приведшие к «великому расколу англосаксонской расы» и американской революции.

В книге «История колониальной империи и колониальной политики Англии», определяя причины английской колонизации Америки, Мижуев выделяет в качестве одной из основных «приобретение не занятых и удобных земель для основания колоний, где бы могла применить свой труд свободная, т. е. не находящая себе заработка часть населения самой Англии» [20, с. 11]. Первые попытки обосноваться в Америке закончились провалом – «неудачи англичан объясняются неподходящим составом эмигрантов, которые большей частью состояли из любителей быстрой наживы, мечтавших найти в новой стране золото и потому пренебрегавших тяжелым трудом земледельца». Но с изменением целевых установок пришли и позитивные результаты. Как подчеркивает Мижуев, «если бы мы хотели в нескольких словах выразить основную причину столь разительной разницы в конечных итогах английской и испанской колонизации, нам следовало бы сказать, что в то время как испанцы долго оставались не более как неисправимыми искателями золота в открытой ими новой части света и эксплуататорами туземного населения, англичане сравнительно скоро освободились от мечтаний о легкой наживе и стали строить свое благополучие на систематической эксплуатации природных богатств своих колониальных владений, для чего требовался неутомимый труд и несокрушимая энергия» [20, с. 14–15].

В понимании Мижужева, важнейшей предпосылкой успеха в освоении колонизируемых территорий стал «неутомимый труд и несокрушимая энергия» первых эмигрантов. Требование добросовестного труда было одной из аксиом миропонимания переселившихся в Америку английских протестантов пуритан, которое они перенесли на американскую почву. Но следует иметь в виду и еще одно обстоятельство. В первых колониях, в частности, в Виргинии, труд по найму практически отсутствовал: свободные колонисты не шли на такую

работу. Возможность организовать плантационное производство выходцы из Англии получили за счет труда выславшихся (эта практика началась в 1619 г.) из Англии преступников и ввезившихся из Африки черных невольников – рабов. Без принудительного труда в форме кабального или прямого пожизненного рабства вести крупное хозяйство оказалось невозможным. «Это обстоятельство, – как верно замечает Мижуев, – наложило особый отпечаток на всю общественную жизнь южных колоний».

Особенность в статусе английских колоний на североамериканском континенте Мижуев видит в создании ими собственной системы государственного управления – без всякого контроля со стороны английского короля и на основе свободных демократических выборов должностных лиц. Мижуев ссылается на опыт колонии Род-Айленд, жители которой в 1663 г. получили от короля Карла II хартию, регулировавшую форму управления колонией и действовавшую без изменений до 1842 г., т. е. в течение 179 лет или, «что еще более замечательно, в течение пятидесяти лет после признания независимости С. Штатов». Из этого факта Мижуев делает вывод о высокой степени удовлетворенности граждан достигнутым уровнем прав и свобод: американским колонистам удалось в середине XVII века добиться «согласия метрополии на такую организацию государственного управления, которое казалось удовлетворительным для их потомков вплоть до середины XIX века, когда давно уже исчезла та власть, которая санкционировала хартию колонии Род-Айленд и когда никто уже не мешал жителям Род-Айленда изменить во всякое время хартию Карла II, ставшую со времени революции конституцией штата» [20, с. 24].

Еще более примечательна выработанная в 1639 г. конституция колонии Коннектикут. В ней, отмечает Мижуев, «имя короны не было даже упомянуто, равно как не было вообще ссылки на какой-нибудь авторитет, кроме народного согласия», а «все лица получали свои полномочия путем народного избрания». Определяя общие итоги развития английских колоний в Америке, Мижуев заключает: «Благодаря энергии первых колонистов, общественным условиям жизни их потомков, благодаря либеральным учреждениям, преобладавшим в Америке, благодаря феноменальному материальному развитию колоний, благодаря, наконец, глубокой вере колонистов в свою силу и в слабость Англии, они оказались к концу XVIII века совершенно подготовленными к разрыву с Англией, как только к тому представился случай» [20, с. 26].

В чем же, по Мижуеву, состояли предпосылки Американской революции? Здесь вновь следует обратиться к его трудам.

В концепции Мижуева «революция не началась и не могла начаться вследствие какого-либо порабощения колоний Англией <...> великий раскол англосаксонской расы произошел не из-за притеснений и тем более не из-за нестерпимых притеснений, а главным образом из-за *принципа*: из-за нежелания американцев признать за английским парламентом право облагать их даже самыми малыми налогами без их на то согласия» [15, с. VI]. Это следует понимать так, что разрыв с Англией был обусловлен высоким уровнем общественно-

политической свободы колоний. Он отмечал: «В отношении политической свободы большая часть английских колоний в Америке пользовалась почти полной самостоятельностью; все они имели представительные учреждения, везде налоги определялись законодательными собраниями, получавшими свои полномочия путем избрания местным населением... В руках колонистов же была в значительной мере и исполнительная власть, так как лишь немногие должностные лица назначались правительством метрополии» [15, с. 8].

Утверждение, что американская революция произошла из-за *“принципа”*, своим истоком имеет концепцию М. Тайлера. Но Мижухев приводит и другой взгляд на причины революции, сформулированный профессором Гарвардского университета А. Хорном. «Истинного оправдания революции надо искать не в списке претензий на действия английского правительства, составленном колонистами, <...> в основе ее лежали два великих принципа человеческого прогресса. <...> Во-первых, по мере того, как американские колонии становились значительнее и богаче, колонисты были бы более и более недовольны тем, что развитию их торговли мешают некоторые стеснения, введенные в интересах людей, живущих за океаном. <...> Успех революции открыл для американской промышленности и торговли тысячи путей во всех концах мира. Во-вторых, революция представляла собой протест против попыток подчинить Америку бесконтрольной власти», – пишет он в книге «Великий раскол англосаксонской расы» [15, с. 228].

Так на чьей же стороне Мижухев: причина революции в овладевших умами американцев *«принципе»* или диктате экономики? Уже современники Мижухева задавались этим вопросом. Автор рецензии в «Мире Божьем», подписавшийся псевдонимом «М. П-ов», заметил по этому поводу: «Где тут разобраться иному читателю, кто прав, кто не прав, когда обе стороны говорят одинаково умно и состоят из равно достойных людей» [75, с. 101].

Что касается Мижухева, то он видит основания для назревания конфликта между колониями и метрополией в экономических противоречиях между центром и периферией империи. Колонии должны были вывозить сырые материалы на английских судах и только в Англию и у нее же покупать готовые промышленные изделия; из этих соображений в колониях ограничили развитие обрабатывающей промышленности, а создание железодельных и сталелитейных заводов вообще запретили. Подобные ограничения означали лишение колоний свободы экономической деятельности в интересах метрополии: «В одном только отношении англичане XVIII века в своей колониальной политике мало отличались от других народов. Подобно другим народам они смотрели на колонии как на средство обогащения метрополии и стесняли их нормальное экономическое развитие для вящего материального преуспеяния метрополии» [20, с. 31]. И только до определенного времени колонии терпели экономическую дискриминацию, ограничиваясь саботированием запретов.

Такова, в интерпретации Мижухева, канва событий, приведших к революции и образованию США. Объективно излагая их фактическую сторону, Ми-

жув далек от нейтральности в оценке исторической неизбежности и обоснованности американской революции, отделения колоний от Англии. В книге «История колониальной империи и колониальной политики Англии» он пишет: «Хотя американцы в своей “Декларации Независимости” жаловались на “жестокость и вероломство” английского правительства, “примеры которым едва ли можно найти даже в самые варварские времена”, однако в это самое время большинство цивилизованного человечества было юридически и фактически лишена у себя дома большинства, если не всех тех прав, которых американцы требовали для себя у правительства метрополии с оружием в руках. Это обстоятельство не мешало, впрочем, правительствам, а за ними и плохо осведомленным с действительным положением дела народам Европы призывать ежедневно проклятия на голову англичан за возмутительное попрание прав американских колонистов, между тем как эти правонарушения были гораздо меньше тех, которые ежедневно же совершались у всех на глазах в той же Европе» [20, с. 39].

Завершение разработки ключевого события в истории США – создания независимого государства – позволило Мижуеву приступить к написанию его последующей истории. Мижуев прекрасно понимал, что центральной проблемой для дальнейшего развития страны было рабство. Ему он посвятил отдельный очерк [25]. Так рождалась его центральная книга в области американистики – «История великой американской демократии», опубликованная в 1906 г. [39]. Сам Мижуев писал о ней: «В течение последних 15 лет мы напечатали несколько книг и значительное число журнальных статей, в которых старались знакомить русскую публику с разными сторонами жизни и с разными моментами великой американской демократии. Таким образом, настоящий труд представляет собой в некотором смысле свод наших прежних работ, посвященных изучению истории и современного состояния С.-Американской республики. Во многих случаях мы позволяем себе пользоваться этими работами, не всегда находя нужным указывать цитатами свои заимствования, тем более, что почти всегда мы вносим в них более или менее значительные изменения» [39, с. 3].

Так появилась книга, в которой Мижуев, тщательно отбирая факты и уделяя большое внимание логике исторического развития, увлекательно повествует о политической истории США от времени колонизации Америки англичанами и до начала XX в.

Взгляды Мижуева на американскую политическую систему. Известно, что Мижуев был большим англофилом: в своих работах он скрупулезно фиксировал внимание на успехах Великобритании в экономике, политике, обеспечении прав человека, в совокупности сформировавших ее облик как «величайшей демократии современного мира». Но в концепции Мижуева была и вторая «величайшая демократия» – Соединенные Штаты Америки. Обе эти «демократии», пишет Мижуев, «имели гораздо больше общего, чем они подозревали, и гораздо более отличались от всего остального культурного мира, чем они это сознавали; мы разумеем в особенности отличие в основных политических

взглядах и в политическом и гражданском развитии, в привычке пользоваться такими благами культуры, все значение и важность которых еще смутно сознавали другие народы. Мы отмечаем все это потому, что здесь же, в указываемых нами обстоятельствах, скрывается та основная причина, которая по истечении сравнительно немногих лет создала между двумя отраслями англосаксонской расы, формально разошедшимися навсегда, сознание указанной нами общности политических и других идеалов и обусловила их в общем мирные и благожелательные отношения, несмотря на массу внешних поводов для серьезных разногласий, которые при других обстоятельствах могли бы привести не раз к открытой войне» [49, с. 211].

Но чтобы стать демократическим государством, как Мижуев показывает в книге «История великой американской демократии», Соединенным Штатам нужно было пройти длинный путь. Утверждение демократии в масштабах страны прежде всего связано с уничтожением рабства, что позволило распространить демократический строй на южные штаты и привело к изменению региональной динамики народонаселения. Рост числа населения на Юге после окончания Гражданской войны расширил поле господства демократии. И «только после войны С. Штаты стали действительной демократией, так как до освобождения негров и дарования им политических прав Американская республика являлась в известном смысле псевдodemократией. Такое название во всяком случае можно было дать с полным правом прежним рабовладельческим штатам» [39, с. 270].

Разрешение вопроса об уничтожении рабства и утверждение демократических норм имели и другие последствия. Восторжествовала свобода печати: в 1900 г. в стране издавалось более трети периодических изданий, выходивших на земном шаре. Прогресс начального и среднего образования «всколыхнул до основания всю американскую жизнь». Были развязаны руки для завершения колонизации «огромных, необъятных областей по западную сторону Миссисипи», что дало толчок развитию экономики (Мижуев приводит факты массового вовлечения в хозяйственную жизнь эмигрантов, увеличения товарности промышленного и сельскохозяйственного производства, развития железнодорожного транспорта). Мижуев отмечает и политический аспект колонизация Запада: «западные американские штаты представляют наиболее прогрессивную часть Союза как в отношении политического строя (предоставление политических прав женщинам в некоторых из западных штатов), так и вообще в отношении внимания к интересам главной массы населения» [39, с. 263–264].

Вместе с тем Мижуев осознает, что подлинное освобождение черного населения страны представляет собой длительный и болезненный процесс. В работе «Развитие и падение рабства негров в Америке» он констатирует: «нравы изменить гораздо труднее, чем закон, поэтому, вообще говоря, проходит много времени, прежде чем общество, пережившее крупный переворот и изменившее свое законодательство, оставит свои старые привычки и заживет новой жизнью. Мы видим, что и в Америке взаимные отношения белых

и негров изменяются к лучшему лишь понемногу. Трудно сказать, насколько это объясняется расовой ненавистью негров и белых друг к другу, и насколько в этом сказывается антагонизм богатых и бедных классов населения... Впрочем, это уже общий вопрос о сытых и голодных – вопрос социальный и экономический, и неграм придется решать его с той частью белых в Америке, которые так же мало обеспечены в своих средствах к жизни, как и сами негры. Во всяком случае, успехи негров во всех направлениях несомненны – между ними можно встретить теперь немало людей очень образованных, богатых и занимающих высокое общественное положение» [25, с. 157–158].

Осмысление исторического опыта преобразования государства и общества на принципах демократии стало одной из ключевых тем в творчестве Мижужева. Он был среди первых российских популяризаторов проблемы парламентаризма, разделения законодательной и исполнительной властей, гражданских и политических прав. Опыт Соединенных Штатов был важнейшим в этом отношении. В обстановке острой политической борьбы накануне и в годы Первой российской революции Мижуев опубликовал несколько развернутых журнальных статей и книг, в совокупности дававших законченное представление о политической системе и политических институтах западных стран, в том числе США: «Личность и государство» [24], «Права человека и гражданина» [33], «Результаты предоставления политических прав женщинам в штате Колорадо» [31], «Женский вопрос и женское движение» [29; 32], «Народное представительство и законодательные собрания в главных странах современного мира» [34], «Главные федерации современного мира» [35; 36], «Глава государства. Организация высшей исполнительной власти в главных странах современного мира» [37], «О формах и сущности государственного строя» [38].

Мижуев пристальное внимание уделил политическим системам, структурам и назначению законодательных собраний и принципам выборов в представительные органы власти в наиболее развитых странах мира. В наиболее крупной работе по государственной системе – книге «Главные федерации современного мира» [35; 36] – Мижуев отдельный раздел посвятил США, в котором дал подробную характеристику политического строя и конституции страны, остановился на особенностях функционирования органов власти, характеристике системы управления с точки зрения доктрины разделения властей. Само название одного из разделов книги – «Соединенные Штаты как наиболее грандиозный проект народоправства» – свидетельствует о политических предпочтениях автора и об отношении Мижужева к этой стране.

В творчестве Мижужева к числу одной из ключевых может быть отнесена тема политических прав, в частности, всеобщего участия в выборах депутатов законодательных органов. Успехи Соединенных Штатов в этой сфере представляются Мижуеву замечательными, тем более что «даже теперь, в начале XX века, всеобщая подача голосов считается в большинстве стран Западной Европы слишком либеральным и даже в известной степени опасным учреждением... да и эти страны, признавая официально принцип всеобщей подачи

голосов, ввели в него, однако, значительное число ограничений» [34, с. 85–86]. В Соединенных Штатах уже в то время этого не было. Гражданская война уничтожила рабство, а дальнейшее развитие демократического процесса привело к принятию поправки 1870 г. к федеральной конституции, запретившей лишать кого-либо политических прав по признаку расы, цвета кожи или в связи с предшествующим нахождением в рабстве. Мижуев признает, что реальное утверждение политического равноправия встречало много препятствий: «некоторые из южных штатов в течение последних 10–15 лет сделали попытки обойти указанную статью конституции», они «роняют, конечно, американскую демократию или, вернее, ту ее часть, которая еще не освободилась от своих прежних рабовладельческих замашек и тенденций». Но и в Европе, выдвигает встречный иск Мижуев, в большинстве государств «лишена тех же прав весьма значительная часть народных масс» [34, с. 86–88].

Выход на авансцену общественной жизни европейских стран, в том числе и России, «женского вопроса», ставшего предметом острых дискуссий, побудил Мижуева посвятить ему несколько работ. В их числе брошюры [31; 32; 54], статьи в журнале «Образование» [29] и Новом энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона [48]. Лейтмотивом этих работ является идея о необходимости гарантировать законом гражданские и политические права для всех членов общества, включая женщин. Мижуев указывает и на средства, с помощью которых можно достичь таких результатов: предоставление женщине «всех способов развития ее умственных и всех иных качеств не только путем образования и воспитания в юные годы, но и путем последующего широкого участия в разрешении всех, не исключая в том числе и самых трудных (социальных и политических) вопросов жизни» [29, с. 4–6]. И здесь опыт Соединенных Штатов он находит полезным.

Обретение колониями независимости и образование США стало исходным пунктом женского движения в этой стране, которое долго не давало ощутимых результатов. Даже штат Нью-Джерси, первоначально предоставивший женщинам право участия в выборах, вскоре отказал им в этом. Тем не менее высокий общедемократический тонус страны оставлял женщинам определенные возможности, более благоприятные, чем они имели в Европе. Они играли видную роль в аболиционистском движении, в 1848 г. провели первый общеамериканский съезд, на котором по аналогии с «Декларацией независимости» приняли «Декларацию чувств», утверждавшую – «женщина создана равной мужчине», не остались в стороне от событий Гражданской войны, а после ее окончания обучали в южных штатах бывших рабов.

Все это позволило значительно продвинуться в области политических прав женщин. В штатах Колорадо, Юта, Вайоминг и Айдахо «женщины участвуют не только во всех городских и сельских выборах, но и в таких выборах, которые касаются всего штата (например, выборы губернатора штата, законодательных собраний штата и т. д.), и даже в выборах национальных (выборы президента республики или, точнее, выборы так называемых «выборщиков»,

избирающих президента республики). Кроме того, в названных штатах женщины могут быть избираемы на разные должности по самоуправлению – городскому, сельскому и всего штата» [34, с. 89]. В целом по стране «около половины штатов Американского Союза предоставляют женщинам в той или иной форме право участия в выборах тех или иных должностных лиц и, следовательно, обеспечивают им известное влияние на ход общественных дел – сельских или городских» [34, с. 93]. Но, «опередив значительно европейские государства в доверии к административным и политическим способностям женщин, великая американская демократия все же не решается круто оборвать с традициями, завещанными старой Европой, чему нельзя удивляться, если вспомнить, как громаден ежегодный прилив в Америку эмигрантов, приносящих с собой целый цикл отсталых понятий, от которых удастся вполне освободиться разве лишь второму или даже третьему поколению», – пишет Мижуев в книге «Народное представительство и законодательные собрания в главных странах современного мира» [34, с. 93].

Мижуев об образовательной политике и школьной системе в США. Условием укрепления государства, роста благосостояния и культуры нации, полагал Мижуев, является народное просвещение. С учетом неудовлетворительного состояния народного образования в России пример образовательной политики зарубежных государств мог послужить ориентиром как для управляющей элиты, так и для рядовых граждан. В этих целях Мижуев познакомил русскую общественность с эволюцией образовательных учреждений тех стран Европы и США, где этот вопрос успешно решался. Мижуев в серии публикаций многосторонне охарактеризовал политику в области образования и его состояние в США [8–13; 16; 30; 45–47; 50]. Эти труды благожелательно воспринимались российской критикой. В рецензии на книгу «Современная школа в Европе и Америке», например, рецензент в журнале «Современный мир» отметил: «П. Г. Мижуев давно известен как один из лучших знатоков жизни и школьного дела в Западной Европе и Америке: ряд его работ в этой области завершился вышедшей на днях книгой. Кроме знания и авторитетности в вопросах о современной школе Европы и Америки, автор проявил в новом труде и благородный тон, и живость изложения, и незаурядное умение писать легко, популярно и занимательно» [73, с. 365].

По убеждению Мижуева, общий подъем образовательного уровня народа является основой модернизации страны. Школа должна одних – громадное большинство – приобщить к современной культуре, т. е. сделать способными, во-первых, сколько-нибудь ясно и правильно понимать тот мир, в котором придется жить, и, во-вторых, способными действовать в этом мире в роли, хотя бы рядовых, но все-таки более или менее сознательных участников общей работы. Других – сравнительно незначительное меньшинство – школа должна подготовить к тому, чтобы они при наличии соответствующих стремлений и способностей могли сохранить для потомков все полученное культурное наследие и содействовать дальнейшему прогрессу материальной и духовной

культуры во всех сферах чистого и прикладного знания. Но этими образовательными функциями роль школы не ограничивается. Одна из величайших задач школы, полагает Мижуев, состоит в том, что «школа должна собирать в свои стены детей разных общественных классов, разных исповеданий и религий и воспитывать в этих детях чувство взаимного понимания, взаимного расположения или, по крайней мере, чувства взаимной терпимости, несмотря на те классовые, вероисповедные и другие перегородки, которые иногда более или менее сильно разделяют слои населения один от другого» [45, с. 6–7].

Чтобы обеспечить практическую реализацию этих задач, следует внедрить в сознание как массы людей, так и законодателей определенные базовые принципы построения системы образования. В понимании Мижуева, их три. Первый заключается в обязанности каждого родителя посылать в народную школу своих детей, находящихся в установленном законом возрасте. Принудить к выполнению этой обязанности должны центральные власти страны, так как «масса населения и ближайшие к нему власти были часто далеки от сознания полезности или необходимости школьного образования для всех детей без изъятия». Вслед за этим, как логическое следствие указанного принципа, «почти повсеместно получил признание другой, почти столь же важный принцип – бесплатности начального народного образования, хотя все-таки торжество этого принципа <...> далеко не столь универсально и безусловно, как первого, т. е. принципа обязательности». Наконец, третий основной принцип правильной организации начальной народной школы состоит «в полном устранении из общественной начальной школы религиозного образования и воспитания с предоставлением такового исключительно заботам родителей и церкви, или, по крайней мере, в организации в общественной школе такого религиозного наставления подрастающих поколений, которое было бы совершенно чуждо догматических вопросов, как последние понимаются различными исповеданиями христианства» [45, с. 9].

Признаки осуществления этих трех принципов Мижуев находит в школьной системе США.

В связи с требованием обязательности обучения Мижуев исходит из того факта, что «во всех более культурных государствах прохождение курса начальной школы стало *обязанностью*, и притом обязанностью важнейшей, не допускающей никаких изъятий, для всякого подрастающего члена общества» [16, с. 111]. При этом в работе «Современная школа в Европе и Америке» он подчеркивает, что каждый штат был самостоятелен в определении своего подхода к решению стоявших перед школой задач. Это касалось и школьного обучения: «даже и теперь начальное образование не во всех штатах обязательно, и власти продолжают рассчитывать, что они могут провести через школы все подрастающее поколение только потому, что народные школы, вообще говоря, организованы прекрасно, программы их строго согласованы с желаниями народа, к детям там относятся всегда с необыкновенным вниманием и любовью» [45, с. 33]. Расчеты на сознательность населения были не беспочвенны:

«масса населения Америки настолько развита и культурна, что сама понимает блага образования и не нуждается в принуждении в таком деле» [45, с. 34]. Тем эффективнее были законы об обязательности начального обучения, принятые в большинстве штатов.

Что касается доступности обучения, то в северных штатах начальное образование было фактически и юридически бесплатным для всех уже к середине XIX в. Исключение составляли южные штаты, однако с победой северян в Гражданской войне 1861–1865 гг. постепенно установились единообразные для всей страны школьные порядки, в том числе относительно бесплатности обучения и обеспечения учащихся учебными пособиями. Поддержка государством и обществом бесплатности школьного обучения обуславливалась не только культурологическими, но и чисто практическими подходами. Проведенное в 1870 г. анкетирование предпринимателей показало, что они «самым решительным образом признали значительное влияние даже самого элементарного образования на производительность труда рабочих... что только культурному рабочему можно доверить пользование сколько-нибудь сложными орудиями и механизмами, благодаря чему является возможность придать совершенно иное оборудование фабрикам и заводам» [45, с. 37]. Эти соображения Мижуев подтверждает данными американского педагога В. Харриса, который на основании анализа статистики федерального департамента народного просвещения за 1894 г. по штату Массачусетс пришел к выводу, что «в среднем каждый житель штата Массачусетс посещает школу около семи лет, тогда как для всего населения Соедин[енных] Штатов средняя продолжительность пребывания в школе составит только четыре года с третью». При этом оказалось, что существует связь между продолжительностью обучения и производительностью труда: «В то время как каждый американец, считая мужчин, женщин и детей, средним числом производит богатств в день только на 40 центов, каждый житель Массачусетса производит в среднем на 73 цента в день» [45, с. 38]. Руководитель народного образования этого штата Ф. Хилл, комментируя эти выкладки, более осторожен: «Незачем приписывать всего этого излишка школам, чтобы считать доказанным, что затраты на образование приносят огромные дивиденды всему обществу. Мы, конечно, никогда не будем знать в точности, насколько именно школьное образование, принимая во внимание все многообразные его результаты, повышает производительность труда населения и увеличивают его материальное благосостояние». Но очевидно, что «расходы штата на народное образование возвращаются населению вдвойне или втрое» [45, с. 40]. Констатация доступности школьного образования в США дала Мижуеву возможность лишь посетовать: «В самом деле, многие ли из русских людей не признают за расточительность предоставление всем желающим бесплатного посещения общественных средних учебных заведений» [45, с. 41].

Мижуев особо отмечает тесную связь между процессами секуляризации государства и школы. Как государство не имеет какой-либо официальной связи с церковью (федеральное правительство и правительства штатов не имеют права

касаться религиозных вопросов), так и все общественные школы – светские: в Америке ранее, чем где либо, «совершилось устранение из начальных школ преподавания Закона Божия». <...> Исключить религиозное образование из общественных школ вовсе еще не значит признать Закон Божий менее важным, чем письмо или арифметику. Это значит только то, что общество – единодушно, пока дело идет об обучении детей в школе арифметике или письму, и расходится в мнениях, когда заходит речь о религиозном обучении» [45, с. 42, 44]. Объясняя деликатность школьных властей в подходе к религиозному воспитанию в школах, Мижуев призывает видеть в этом «желание сохранить в общественных школах нейтралитет в таких вопросах, которые там признаются делом личной совести каждого» [45, с. 43].

Отсутствие Закона Божия в общественных школах не свидетельствует ни о религиозной индифферентности или даже враждебности американцев к религии, ни о стремлении обречь детей на полное невежество в области религии. Напротив, утверждает Мижуев, «ни один народ в мире во всей своей массе не религиозен так – в истинном смысле этого выражения – как американцы... знание догматических сторон того или иного исповедания и понимание смысла религиозных обрядов гораздо более значительно среди массы американских граждан и среди американской подрастающей молодежи, чем среди сравнительно невежественных народных масс континентальной Европы, особенно ее востока и юга» [45, с. 45]. Американские дети получали религиозное образование и воспитание в воскресных школах, которых в США, по данным Мижуева, на 1902 г. насчитывалось около 140 тыс., число обучавшихся в них приближалось к 12 млн, а преподаванием и администрированием в них было занято почти 1,5 млн человек. Обучающий персонал был представлен не только духовенством, которое играло видную, а иногда и руководящую роль, но и светскими лицами, «отдающимися этому делу главным образом под влиянием искреннего религиозного чувства» [45, с. 46, 47].

Таковы принципы, лежавшие в основе американской системы народного образования. Мижуев показывает и ее организационно-педагогическую структуру. Прежде всего он отмечает полную децентрализацию школьного дела: «область народного образования не входит в компетенцию федеральных властей». Тем не менее свою заинтересованность они, федеральные власти, проявляли в форме выделения штатам целевых субсидий, сбором и обнародованием информации, относившейся к деятельности школ. На уровне штатов в меньшем количестве случаев правительства «ограничиваются только помощью делу народного образования, предоставляя всю его организацию местным властям, т. е. городским или иным школьным комитетам, избираемым местным населением». Большинство же штатов систематически выделяет из своих средств субсидии на содержание школ и законодательно определяет тот минимум знаний, который должны получить дети. На низовом уровне «фактическое заведование школами во всех отношениях, т. е. как в хозяйственном, так и в учебном, находится в руках местных властей: каждый город, каждое графство, иногда чуть не каждое

сельское общество самостоятельно организует свои школы, почти без всякого постороннего контроля или с контролем весьма слабым» [45, с. 133, 134].

Важнейшей особенностью американской школьной системы являлась преемственность ее звеньев. Дети в возрасте от 6–7 до 13–14 лет получали начальное образование в народных школах. По ее окончании на протяжении 3–4 лет, т. е. до достижения возраста 17–18 лет, учились в высшей народной школе, которая являлась прямым продолжением начальной школы. Высшая народная школа давала среднее образование. Прямым продолжением народной школы являлась высшая народная школа. Она давала бесплатное среднее образование, обеспечивая различные профили подготовки. В зависимости от местных условий и потребностей обучение в них продолжалось 3, 4 и даже 5 лет. В школах могли быть различные отделения. «Академические» ориентировались на классическое образование с изучением латинского языка. «Практические» учитывали желание получить в более короткие сроки образование, необходимое для работы в промышленности, коммерции или преподавательской деятельности в народных школах. Завершение обучения в высшей народной школе позволяло поступать в университеты или другие высшие учебные заведения.

Через народную школу проходили все слои населения. Комплектование народных школ детьми из всех классов общества без оглядки на размер семейного дохода делало их «школами для всех». Не было различий и по полу обучавшихся не только в начальных, но и в высших народных школах. Дети и подростки обоего пола обучались совместно, причем в составе ученических контингентов девочки преобладали, так что в числе выпускников средних школ женщины составляли более двух третей. Вследствие этого, отмечает Мижуев в одной из своих ранних работ, в Америке женщины более образованы, чем мужчины [13, № 11, с. 65]. Это стало результатом наделения женского образования статусом приоритетного. Мижуев прежде всего обращает внимание на стремление обеспечить женщинам такие же широкие пути к образованию, какие открыты для мужчин. Он констатирует: «Вследствие установившегося во многих штатах обычая совместно обучать детей обоего пола в средней школе, вследствие бесплатности обучения в средней школе и обычая американцев возможно раньше определять своих сыновей к какому-либо практическому делу, вследствие всего этого в Америке в средней школе девочек больше, чем мальчиков» [29, с. 20]. Следовательно, и в университетах число женщин составляло до трети студентов [29, с. 25].

Именно в доступе женщин к образованию Мижуев видел основной путь к решению женского вопроса: «Если даже, как это бывает в большинстве случаев, сами женщины не имеют политических прав, они все-таки могут сильно влиять на политические взгляды и деятельность своих мужей и на политическое развитие и направление своих детей. Это влияние, конечно, будет отрицательным, если женщины будут значительно уступать мужчинам по образованию или даже совсем останутся без образования» [29, с. 6, 15]. Исходя из этого, он знакомил русскую общественность с развитием женского образования в раз-

ных странах, в том числе США. Будучи горячим сторонником совместного обучения и доступа женщин к образованию всех уровней, он принял самое активное участие в работе Первого Всероссийского съезда по образованию женщин (1908), на котором представил четыре выступления: «Высшее образование женщин в странах Британской империи», «Совместное обучение в Англии и Америке», «Среднее женское образование в Америке», «Роль английских университетов в демократизации знаний» [46–47]. Равным образом Мижуева привлекает вопрос о высшем женском образовании, интенсивно развивавшемся в континентальной Европе и США.

Привлекательность школ для детей всех социальных слоев населения, особенно наиболее обеспеченных, обеспечивалась комфортом, надлежащим качеством учебного оборудования, высоким уровнем знаний и их практической направленностью. Относительно содержания обучения Мижуев в книге «Современная школа в Европе и Америке» счел нужным привести фрагмент отчета главы ведомства народного образования школ Чикаго. Позволю воспроизвести его:

«Ученики чикагских школ, которые учились в общественных школах города Чикаго или какого бы то ни было из главных городов С. Штатов и которые закончили полный курс народной школы, приобрели способность разумно следить за жизнью и литературой своего времени. В школе они изучили историю открытия и заселения Америки, а также и те факты, которые привели к объявлению независимости американских колоний и принятию конституции С. Штатов. Они ознакомились с развитием существующей в Америке финансовой и банковской системы, равно как и с историей расширения территории республики. Они узнали также, какие великие нравственные вопросы последовательно волновали американский народ... Они познакомились в школе с организацией правительственных властей, как федеральных, так и властей штата, города, графства и сельского округа; они узнали также, в чем заключаются права и обязанности американского гражданина... Они познакомились с географией всего мира, с данными о климате, о естественных богатствах и населении разных стран, о культурном состоянии разных народов и их коммерческих отношениях.

Они узнали далее из школьного преподавания, где и в каком количестве добываются уголь, железо, медь, серебро, золото, в каких странах производят особенно много зерновых продуктов, фруктов и овощей, где особенно развито свиноводство и т. п. Они узнали также, как человек пользуется всем этим для удовлетворения своих нужд.

Они выучились, далее, элементам математики и могут применить свои знания ко всем нуждам повседневной жизни. По окончании курса народной школы они понимают, напр., систему налогов своей страны... они понимают также газетные сведения о состоянии рынка и биржи; они понимают основания страхования и кредитных операций; они знают веса и меры, которыми определяются ценности... Уроки рисования развили в них художественный вкус, так что они умеют ценить изящество собственной или чужой работы. Наконец, они выучились логически рассуждать и выражать свои мысли простым и вполне понятным языком» [45, с. 140–141].

Мижуев осознает, что «всякий русский читатель» мог бы отнестись «с крайним скептицизмом к самой возможности таких результатов занятий в народной школе», сам допускает возможность того, что «вышеприведенные строки не чужды некоторого оптимизма». Тем не менее он убежден, что «в лучших случаях <...> 14–15-летние подростки, кончающие народную школу в Америке, знают больше, чем те лица, которые в России считаются иногда правоспособными к *учительской* деятельности в народных школах» [45, с. 144]. Журнал

«Русское богатство» в рецензии на книгу вынужден был признать: «поневоле согласишься с заключением автора» [69, с. 124–125].

Педагогическая энциклопедия, изданная под редакцией И. А. Каирова и Ф. Н. Петрова, совершенно заслуженно характеризует Мижуева как «специалиста по истории западно-европейской и американской школы конца XIX – начала XX в.» [79, с. 826].

Вопросы социального благополучия в работах Мижуева. Мижуев обращал пристальное внимание на степень социального благополучия во всех его проявлениях – наличии условий, необходимых для достойной жизни: заработной платы, полноценного отдыха, жилья, для женщин к тому же возможности участвовать в управлении семейным имуществом и воспитании детей. Рассматривает эти проблемы Мижуев в нескольких работах: «Почему желателен восьмичасовой рабочий день?», «Восьмичасовой рабочий день в Америке и в Австралии», «Восьмичасовой рабочий день в Западной Европе, Америке и Австралии», «Восьмичасовой рабочий день», «Минимальная заработная плата в Европе, Америке и Австралии», «Документальная история одной стачки», «Национальный минимум. Заработная плата»; «Образцовые рабочие поселки в Англии и Америке» [40–42; 51; 55–57; 59]. Он писал: «Мы не можем оставаться равнодушными к тому, что более или менее значительная часть – иногда даже более или менее значительное большинство – нации остается бедным, невежественным, живет, как говорится, впроголодь, имеет тесное, грязное, антигигиеническое помещение и в то же время работает свыше меры, почти не имеет досуга, а в немногие часы досуга лишено возможности проводить его в здоровых, доступных формах развлечения...Указанные нами отрицательные стороны жизни народной массы недопустимы, невыгодны самому обществу в его целом, невыгодны государству и даже для него опасны» [51, с. 6–7].

В области трудовых отношений конгресс, правительство и судебные органы США исходили из представлений о недопустимости посягательства на «свободу контракта» между предпринимателями и рабочими, а потому и не существовало федеральных законов, регламентировавших продолжительность рабочего дня. Фабричные законы были приняты только относительно женщин и детей. Предпринимавшиеся же на уровне штатов меры были робкими и не имели обязательной силы. В 1867 г. штат Коннектикут и некоторые другие штаты законодательно установили, что при отсутствии соответствующего соглашения между предпринимателями и рабочими рабочий день должен был ограничен восьмью часами. Но практически реализовать эту норму возможности не было – ничто не мешало предпринимателям предложить контракт с более продолжительным рабочим временем. Более реалистичными оказались решения федеральных и некоторых штатных властей ввести 8-часовой рабочий день в «казенных» промышленных предприятиях, причем наказание за превышение этой нормы грозило как администрации, так и рабочим, согласившимся на работу более 8 часов. Так, сообщает Мижуев, «в акте, изданном правительством штата Огайо 16 апреля 1900 года, закон грозит рабочему штрафом

в 10 долларов за каждый день, в течение которого он работал более 8 часов, и штрафом до 500 долларов или тюремным заключением или и тем и другим вместе чиновнику штата Огайо и всякому вообще должностному лицу (городского или сельского управления), который оказался бы виновным в том, что допустил нарушение закона, нормирующего 8 часами максимальную продолжительность рабочего дня на всех общественных работах, совершаемых для нужд штата или какой-либо части его (графства, города и т. п.) непосредственно самими общественными властями или подрядчиками, взявшими те же работы по контракту» [41, с. 95].

Но и в частнопредпринимательском секторе произошли подвижки. В этом определяющую роль сыграли профессиональные союзы, например Американская федерация труда. Под влиянием «Благородного ордена рыцарей труда» в 1885 и 1886 гг. стачки, имевшие целью добиться сокращения рабочего дня, «приняли в Америке чуть не эпидемический характер... Можно утверждать без всякого преувеличения, что в результате движения, начавшегося 1 мая 1886 г., 200 000 рабочих достигли восьмичасового рабочего дня и несколько большее число рабочих добились уменьшения трудового дня с 10 до 9 часов» [41, с. 95]. С угасанием влияния «Рыцарей труда» лидерство в организации выступлений за сокращение рабочего времени перешло к Американской федерации труда, взявшей на вооружение тактику последовательного завоевания восьмичасового рабочего дня рабочими отдельных специальностей. Успеха добились профсоюзы плотников, каменноугольных копей, некоторых других специальностей. Он был достигнут путем местных соглашений между рабочими и предпринимателями. В целом же, делал вывод Мижуев, «дело введения восьмичасового дня в частных предприятиях продвигается в Америке много медленнее, чем в Англии» вследствие слабого вовлечения рабочих в профессиональные союзы.

Мижуев постоянно адресовался к российскому читателю, проводил аналогии и сравнения с российской действительностью. В его описаниях тем образом, который полезно перенять и в России, выступают рабочие поселки в Англии и США: «идеалы жилищных условий для рабочих были у нас всегда очень низки. То немного, что было раньше сделано, пришло теперь в совершенную негодность. При таком положении дела нельзя не считать в высшей степени важным и своевременным познакомиться с тем, что делается или что еще недавно делалось в этом отношении в разных странах» [59, с. 3]. В связи с этим Мижуев ставит в пример США: «Куда бы мы ни приехали, в какой бы город мы ни попали, в город, где уже успели упрочиться те или иные промышленные заведения и образовался некоторый промышленный центр, мы найдем в качестве характерного явления множество рабочих семей, купивших себе участки земли и строящих на них себе дома. Эти маленькие дома идут длинными рядами за черту города» [59, с. 80].

Российская дореволюционная критика о Мижуеве. В целом работы Мижуева с интересом и благосклонно принимались критикой. Журнал «Мир Божий» полезность книги «Великий раскол англосаксонской расы» усмотрел в том,

что она «дает много нового, особенно имея в виду недостаток у нас переводной литературы по истории Америки» [77, с. 101]. Крупнейший в будущем российский историк Е. В. Тарле отозвался рецензией на книгу «История колониальной империи и колониальной политики Англии», в которой «не нашел ни одного фактического промаха», с явным удовлетворением отметив «содержательность и обдуманность плана и основных мыслей» [78, с. 74–75]. Журнал «Современный мир» представил Мижучева как «одного из лучших знатоков жизни и школьного дела в Западной Европе и Америке», который демонстрирует «незаурядное умение писать легко, популярно и занимательно» [74, с. 365]. В оценке «Русского богатства» Мижучев «дает поучительную картину того, что делается для народного просвещения в культурных странах» [69, с. 125]. О научной основательности книг «История колониальной империи и колониальной политики Англии», «История великой американской демократии» свидетельствует их издание в серии «История Европы по эпохам и странам в средние века и наше время», редакторами которой были Н. И. Кареев и И. В. Луцкий, историки непререкаемого научного авторитета.

Роль Мижучева в изучении США чрезвычайно велика и потому, что во многих случаях он первым открывал русскому читателю многие стороны американского мира. Не без основания Мижучев отмечал в книге «История колониальной империи и колониальной политики Англии», в которой речь идет и об английской колонизации Американского континента: «в русской исторической литературе первый опыт обзора истории английской колонизации» [20, с. 7].

Рецензентами отмечалось и популяризаторское значение творчества Мижучева. М. Бернацкий в «Мире Божьем» отметил: «Симпатии автора принадлежат англосаксонскому миру, который, к сожалению, так мало известен нам, русским; тем большее значение имеют работы г. Мижучева» [71, с. 116–117]. Нельзя не поставить в заслугу Мижучеву и то, что все его книги и статьи, сочетая научность и популярность, были обращены к самым широким читательским слоям – приобщение к историческим знаниям людей, подчас далеких от науки, составляло привлекательнейшую и благородную сторону научно-просветительской деятельности Мижучева.

На публикацию монографии «Женское образование и общественная деятельность женщин в Соединенных Штатах Северной Америки» откликнулось «Русское богатство»: «Помимо своего теоретического интереса, брошюра г. Мижучева имеет для нас некоторое чисто практическое значение: известно, как у нас любят ссылаться на всяких “практически сведущих людей”, противопоставляя их теоретикам; американцы и являются такими “практически сведущими людьми” в деле высшего женского образования, и их практика дает прекрасный ответ на все те “жупелы”, которыми чреват у нас так называемый женский вопрос» [66, с. 41]. «Мир Божий» в связи с выходом книги «Влияние народного образования на народное богатство, здоровье и нравственность...» поместил рецензию К. Диксона, усмотревшего в ней «обзор тех соображений и фактов, которые говорят в пользу необходимости самого широкого распространения

в народной среде образования» [72, с. 116]. Рецензент Н. Коробка также отмечает злободневность этого труда: «Г. Мижухеу приходится ломиться в открытую дверь на каждом шагу, он должен доказывать, что образование отражается и на экономических успехах, и на военной готовности, и на санитарных условиях, и на способности народа претворить инородческие элементы». Рецензент заключает: «Книга г. Мижухеу очень вовремя напоминает о нуждах начального образования, интересы к которому стали уже застывать в нашем обществе» [75, с. 117].

С годами позитивное отношение к Мижухеу как историку народного образования не изменилось. «Русское богатство» в 1912 г. поместило эмоциональную по тону рецензию на труд «Современная школа в Европе и Америке»: «Вот книга, способная лишней раз всколыхнуть чувство горечи и зависти в душе русского читателя. Ему, можно сказать, вчера еще пришлось присутствовать при горячих словопрениях в российских законодательных палатах и благонадежных органах печати на хронически затяжную тему: полезно или вредно просвещение народу? ... Не полезнее ли усилить средства, отпускаемые тюремному ведомству и на полицию? И если уж давать деньги на образование, то с тем непременно условием, чтобы просвещение народа носило возможно менее просвещенный характер... А тут, в книге Мижухеу, с первых же страниц читатель узнает, что в культурных странах народная школа приобрела значение самого главного из всех учреждений, обслуживающих основные нужды населения, что в таких странах, как Сев.-Ам. Соед. Штаты, Канада, Австралия, при основании новых поселений на еще девственных землях, школа является первым солидным строением, которое воздвигается раньше, чем церковь или иной молитвенный дом, и во всяком случае раньше, чем какое-либо иное общественное учреждение; в частях же давно заселенных школьные здания имеют характер дворцов; такие же школьные дворцы есть в Швейцарии, Англии, Скандинавских странах и т. д.» [69, с. 124].

Пожалуй, самую точную и емкую характеристику Мижухеу дал Е. В. Тарле, назвав его «знатоком англосаксонского мира» [78, с. 74]. Действительно, Мижухеу создал цельную картину не только исторического развития, разных сторон жизни Великобритании, ее колониальной политики, но и политической эволюции ее переселенческих колоний в Северной Америке, революционным путем трансформировавшихся в независимые Соединенные Штаты Америки (разнообразные проявления жизни которых он осветил в своих многочисленных работах), а также Канады, Австралии и Новой Зеландии, отдавших предпочтение сохранению уз с метрополией. В этом Павел Григорьевич Мижухеу был безусловным первопроходцем.

* * *

Драматические события 1917 г., которые Мижухеу встретил уже зрелым человеком, — ему исполнилось 56 лет — больно ударили и по его судьбе, хотя на первых порах могло показаться, что в связи с резким оттоком преподавателей с университетских кафедр революция открыла перед ним новые возможности:

в 1917–1918 гг. параллельно с заведованием библиотекой Технологического института он преподавал на трех факультетах Петроградского университета (историко-филологическом, юридическом и факультете восточных языков)³. На историко-филологическом факультете он читал лекционный курс «История англосаксонского мира в XIX и XX вв.». Факт удивительный, ведь Мижуев не только не имел магистерской и докторской степеней, но и не прошел обучение на историко-филологическом или юридическом факультете университета.

Он продолжал активно работать: отдельными изданиями вышли его работы «Вопросы средней школы в Европе и ответы на них Америки» [58], «Как другие народы стали грамотными» [60]. В момент, когда в СССР развернулась борьба с неграмотностью, в последней из названных книг он разъяснял российскому читателю, каково наполнение в разных странах терминов «грамотность» и «неграмотность», как устанавливают степень грамотности; характеризует состояние грамотности и законодательство об обязательности начального образования в странах Нового и Старого Света. На примере английского, американского и русского опыта он сравнивает школьный возраст, продолжительность учебного дня и учебного года, показывает осуществление принципа бесплатности начального образования, дает оценку культурного состояния народа и производительности труда в связи с уровнем образования. Впервые в практике Мижуева работе автора было предпослано предисловие, написанное, видимо, по «указанию сверху» Генрихом Бергманом: «Книжку проф. Мижуева наш просвещенец, особенно работник по ликвидации неграмотности в городе и деревне прочтет, бесспорно, с интересом. <...> В книжке Мижуева есть вообще множество интересных материалов. Впрочем, книжка в целом будет полезна уже потому, что дает картину того, насколько далеко мы отстали в грамотности от Европы, Америки, Японии, Австралии и т. д. <...> Однако, изучая опыт буржуазных государств, мы обязаны относиться к нему *критически*. Чужие образцы мы не можем перенимать целиком и безоговорочно... В этом отношении книжка проф. Мижуева страдает значительными недостатками. Автор, очевидно, не владеет оружием марксизма – отсюда его ошибки, отсюда неспособность разобраться в действительных «пружинах» общественного развития» [70, с. 3–5]. Что сказать? Новые времена – новые оценки.

Имя Мижуева не числится в списках «Академического дела» и тех, кто пострадал от репрессий. Однако происходившие в стране события, без сомнения, не могли не коснуться и не отразиться негативным образом на его дальнейшей судьбе. Есть сведения, что в сентябре 1919 г. Павел Григорьевич был арестован вместе с группой профессуры петроградских и московских университетов. Скорее всего, аресты производились по спискам кадетской партии, членом которой он являлся. Мижуев был отпущен и продолжил работать. В 1924 г. он официально перешел на пенсию и получал ее «как бывший профессор Ленинградского университета» [2, л. 3]. Тем не менее Мижуев не оставлял творче-

---

³ На этот факт, как не имеющий аналогов в истории российских университетов, указывает сам П. Г. Мижуев в письме академику В. И. Вернадскому от 01.04.1929 г. [3, л. 2].